

Шанин Т. Революция как момент истины: Россия 1905-1907 — 1917-1922 годы / Пер. с англ. Е.М.Ковалева. М.: Весь мир, 1997. 560 с.

В основу авторской концепции положены три принципа: эпистемологический, историко-социологический и социально-психологический. Эпистемологический принцип заключается в постановке вопроса о познаваемости феноменов истории. Следуя бэконовскому различению четырех "идолов" познания, Т.Шанин считает, что в современной социальной науке обнаруживают себя четыре "идола" восприятия и интерпретации истории.

Первый "идол" основан на постулировании прогресса, убеждении в том, что история развивается однонаправленно, прямолинейно, вперед и выше, по пути стандартизации культур, обществ и социальных групп. Если исходить из этой точки зрения, весь мир, в том числе Россия, рано или поздно превратится в высокотехнологичный и "беспроблемный" штат Техас. Заключение в этом предположении ирония не мешает воспринимать его вполне серьезно.

Второй "идол" связан с "теорией заговора". Этот идол является особенно влиятельным в странах, где персонификация власти в фигурах царей, вождей, фаворитов, соратников способствует сохранению и воспроизводству заговорщицких объяснений истории. В числе таких объяснений — Распутин, конфузия на фронте, запломбированный вагон с большевиком-немецким наймитом, происки жидомасонов. Именно "злые силы" сыграли фатальную роль в соращении с истинно верного исторического пути доброй и прекрасной страны.

Третий "идол" — детище постмодернизма. Современный эпистемологический пессимизм, возникший из цепи неожиданных событий нашего времени, несбывшихся амбициозных прогнозов, развенчанных объяснений прошлого способствует культивированию модной иронии по отношению к любому углубленному истолкованию истории, в том числе российской.

Четвертый "идол" (автор рецензируемой монографии говорит о своей склонности как раз к этому "идолу") обязан своим существованием "теориям среднего уровня". Суть дела поясняется Т.Шаниным следующим образом: "Это не определение законов истории, а анализ заложенных в ней альтернатив... параллельных путей от многогранного прошлого к разному и многогранному будущему... Это историческая социология, особенности и внимание которой сфокусированы на переключке, противоречивости, взаимосвязи и взаимопереходе "объективного" и "субъективного", в их обратной связи и выражении как "уроков истории" в массовом как и в элитном познании. В этом взгляде, конечно, заложены свои "идолы", которые нужно держать во внимании — в особенности, опасность потерять видение важности "объективного" в его связи с "субъективным" и "интер-субъективным"(с.18).

Историко-социологический принцип основывается на разноплановости состояний обществ и, как следствие, признании особенностей, например, так называемых развивающихся стран или третьего мира. Это различие автор во введении к книге обозначил метафорически: "Корни иного". По мнению Шанина, именно Россия на рубеже XIX-XX веков первой оказалась в положении развивающейся страны: "Характерные для стран "третьего мира" социальная структура и международные обстоятельства в России соединились с продолжительной имперской историей, сильным государственным аппаратом и высокообразованной интеллектуальной элитой, способной к генерации современных и оригинальных политических идей" (с.9).

Социально-психологический принцип основывается на тематизации не только рационализируемых в общественном сознании и официальных доктринах идей и действий, но и так называемых заблуждений и эмоций. В качестве эпиграфов для

соответствующего раздела книги выбраны высказывания Марка Блока о том, что, с одной стороны, "история имеет дело с существами, которые по природе своей способны преследовать осознанные цели" (с.366), с другой — "отношения, завязывающиеся между людьми, взаимовлияния, как и путаница, возникающая в их сознании, — они-то и составляют для истории подлинную действительность" (с.227). Автор убедительно показывает, что в эмоции играют огромную, а порой и решающую роль в революциях: "Ученые, исследующие общество, часто упускают из виду важнейшую составляющую любой революционной схватки: пыл и гнев, которые движут революционерами и делают их теми, кто они есть. Гнев и страсть невозможно операционализировать в таблицах и цифрах. Для тех, кто столь утончен, что не замечает многих реалий, всепоглощающие эмоции кажутся вульгарными или неискренними. Но без учета этого "фактора" любое объяснение революции остается неадекватным (с.24). Это не означает, конечно, что "операционализируемые" события излишни для объяснения. Книга Шанина насыщена таблицами, картами, моделями, построенным на основе данных статистики, экономики, политологии, регионалистики и крестьяноведения. Значительную часть источниковой базы работы составляют документы, собранные автором в десятках библиотек и архивов на Западе и в Советском Союзе.

Книга состоит из двух частей. Часть первая "Революция" посвящена событиям первой русской революции, ее движущим силам, а также ее историографическим интерпретациям. В части второй "Момент истины" рассматривается воздействие, которое оказала революция на последующие события в России вплоть до 1917-1922 годов.

Автор детально анализирует взгляды российских и западных социальных мыслителей конца XIX - начала XX века на возможную революцию, дает формулировки понятий "революция" и "революционная ситуация", фиксирует наиболее крупные социальные выступления до 1905 года: студенческие беспорядки 1899-1901 годов, аграрные волнения 1902 года, забастовочную волну 1903 года. Проводится детальная инвентаризация оппозиционных правительству политических движений, которые к началу века формируются в политические партии. Соответствующие разделы книги являют собой своеобразный путеводитель по политическому пространству России начала столетия, когда наиболее заметную роль играли партии народной свободы, октябристов, социалистов-революционеров, социал-демократов, а также ряд политических организаций национальных меньшинств империи. Обзор политической ситуации дополняется анализом потенциала государственного аппарата, бюрократии, армии. Делается следующий вывод: "К концу 1904 года экономический, политический и военный кризисы российского общества, кристаллизация общественных классов, появление партийно-политических альтернатив, смятение, раскол и потеря хладнокровия правящей элитой — все это вместе указывало на приближающуюся революцию" (с.68). Чаша терпения была переполнена после "кровавого воскресения" 1905 года. Именно здесь Шанин акцентирует значение эмоциональной доминанты революции: "В самой сердцевине революции лежит эмоциональный взрыв морального негодования, отвращения и ярости такой мощи, когда невозможно продолжать молчать, какой бы ни была плата. ...Различные социальные группы и отдельные люди будут реагировать по-разному, но, когда приходит решающий час, общность эмоций станет тем звеном, которое сомкнет линию революционного фронта" (с.70).

Глава "Революция снизу: долой самодержавие!" содержит скрупулезное описание событий первой русской революции на фоне поведения основных социально-экономических классов, политических и государственных организаций, национальных образований. Шанин сопоставляет взгляды на расстановку социальных сил в революции, представленные двумя ее современниками - консервативным Н.Сухотиным и революционером В.Лениным, и формулирует теоретический подход к анализу событий 1905-1907 годов: "Центральным моментом для каждой революции является широта ее охвата и участия в ней, множественность ее уровней и динамика конфронтации, сложные

и противоречивые отношения между и внутри основных действующих сил. Глубина социального раскола между городской и сельской Россией объясняет причину того, почему именно здесь лежит главнейшее своеобразие и некоторые самые важные связи внутри русской революции" (с.113). Таким образом, центральной проблемой революции 1905-1907 годов становятся положение "сельской России" и ее роль в революционной борьбе. При этом в монографии подробно рассматриваются три других компонента революции: царское государство, геозтническая периферия и городские восстания.

Анализируя революционную борьбу российского крестьянства, автор приводит убедительные свидетельства отчаянного положения крестьянства в канун революции. Суть дела явлена в ответе крестьянского старосты судьям на вопрос о влиянии революционной пропаганды на "аграрные беспорядки": "Страшны не книжки, а то, что есть нечего ни тебе, ни скотине" (с.140). Проблема выходит за рамки описания событий и приобретает философско-историческое значение. В каких случаях начинается крестьянское восстание, получившее в историографии нарицательное имя "жакерия"? Почему российское крестьянство бунтовало в XVII и XVIII веках (восстания Разина и Пугачева) и относительно спокойно вело себя в XIX веке (даже в неурожай и голод 1891 года крестьяне страдали и умирали молча)? Почему крестьяне восстали в начале XX века, но по-другому, уже не по-разински и по-пугачевски? Ответ на эти вопросы требует анализа конкретных исторических обстоятельств. Шанин раскрывает многообразие целей революционных выступлений крестьян, особенности тактики, объяснявшиеся региональными и этническими различиями, социально-экономическую дифференциацию крестьянских сообществ. В книге рассматривается история целых крестьянских республик — самоуправляющихся сельских территорий в Грузии, Латвии, Московской и Харьковской губерниях. Выразителем национальных крестьянских интересов стал возникший в 1905 году Всероссийский крестьянский союз. Анализ его эффективной деятельности в книге отведено особое место.

С социологической точки зрения особый интерес представляет исследование коллективной "крестьянской мечты". Здесь опять же сказываются особенности методологического подхода к анализу материала, которые автор излагает следующим образом: "Мечты имеют вес. Коллективные мечты имеют политический вес. Вот почему нет прямой или простой зависимости между политической экономией и политическим действием. Между ними стоят значения, понятия и мечты, обладающие внутренней последовательностью и собственной динамикой..." (с.200-201).

Глава "Крестьянская война 1905-1907 годов.: кто кого вел?" начинается эпиграфом из Б.Брехта: "Тем, что свершается и тем, что остается несвершенным, ведомые ведут ведущих" (с.227). Центральная тема главы — кто и как руководил революционным восстанием сельской России. "Из пестрого списка тех, кто якобы втянул крестьян в революцию, - анархистов и эсеров-максималистов, студентов и уголовников, евреев, польских дворян и японцев, - только немногие заслуживают серьезного отношения, - пишет Шанин. - С точки зрения социального слоя это была сельская интеллигенция (в основном земский "третий элемент") и городские рабочие. Среди политических партий на эту честь претендовали в основном эсеры и социал-демократы, а, после образования СССР - наследники большевистской ветви социал-демократии. Еще одной альтернативой может стать предположение о том, что крестьянская борьба была в значительной степени самоорганизованной и никакие внешние силы не играли в ней решающей роли." (с.228). Подробно рассматривая взаимодействие различных факторов в революционном движении российского крестьянства, автор находит убедительные аргументы в пользу определяющей роли его самоорганизации.

Вторая часть книги "Момент истины" посвящена выводам, которые извлекли для себя как политические лидеры так и массовые участники революции. Шанин подчеркивает: "Революция есть момент истины. Это так для тех, кто в ней участвует и для общества в целом... В ходе революции представления и действительность сталкиваются и

формируют друг друга в фундаментальном процессе познания. Коренной разрыв преемственности времен срывает маски с того, что считается само собой разумеющимся, со здравого смысла и партийной риторики, преподнося жесткий и объективный политический урок..." (с.291).

В главе "Уроки истории и следующая революция: отличники и тугодумы" Шанин показывает, что революция преподнесла множество неожиданностей. Наложение моделей европейских революций XIX века на русскую действительность начала XX века не "сработало". Крестьянство, которое, судя по опыту Европы 1848 года, должно было вести себя консервативно, в российской революции, наоборот, выступило как основная радикальная сила с едиными политическими целями. На национальных окраинах, отсталых с точки зрения урбанизации и индустриализации, волна революционной борьбы была выше, чем в центре России. Что касается поведения остальных социальных классов, то промышленные и транспортные рабочие в целом оправдали марксистские надежды на революционность пролетариата. Наоборот, буржуазия - владельцы капиталистических предприятий - не обнаружила значительных претензий на власть. Зато проявился достаточный радикальный потенциал интеллигентских "профессиональных" слоев в форме конституционных и либеральных требований. Защитная реакция монархизма в виде правопопулистской погромной деятельности "Союза русского народа" оказалась для левого крыла и либералов неожиданно сильной. Безусловно твердым оказался контроль самодержавия над армией, несмотря на ряд героических восстаний в армии и на флоте. Таким образом, крестьянский радикализм, "социальный" национализм, сила и независимость государственного аппарата, весомость государственной экономики, важность альтернативных источников власти и общественной мобилизации широчайших масштабов, политическая слабость буржуазии, особо важная роль интеллигенции, армии, революционных движений, специфическое международное положение страны, ее так называемое "отставание" - все это определило черты "развивающегося общества" XX века, которые впервые проявились именно в России. В книге особо отмечает историческое значение коллективной и поколенной памяти социальных низов России для революции 1917 года. Тем, кому при первой революции было 13-15 лет, помнили, как подавлялись восстания их отцов. Став взрослыми, они были готовы к новой борьбе. Роль возрастных и поколенческих особенностей проявляется также в руководстве практически всех ведущих политических партий того времени.

Обращаясь к выводам, которые извлекли для себя из революции лидеры и идеологи ведущих политических партий, Шанин метафорически разделил их на "отличников" и "тугодумов". В "тугодумы" попали те, кто посчитал, что ничего особенного после революции не произошло и сохраняются исходные предреволюционные социально-политические установки. Среди "тугодумов" оказались кадеты и меньшевики, чью неколебимую веру в универсальный рост западноевропейского развития Шанин называет "отступлением в прогресс". В ту же категорию попадают представители таких различных политических направлений как эсеры и "объединенное дворянство". Имея в виду их приверженность своим застывшим принципам, автор характеризует первых как "консервативных радикалов", а вторых - как "радикальных консерваторов".

Анализу взглядов "отличников" - политиков и идеологов, в чем-то оказавшимися прозорливыми, извлекших существенный опыт из событий 1905-1907 годов, посвящена глава "Уроки истории и следующая революция: границы политического воображения". В частности, здесь рассматриваются взгляды "последнего рыцаря самодержавия" П.Столыпина, теоретика перманентной революции Л.Троцкого, лидера грузинского меньшевизма Н.Жордания и вождя большевиков В.Ленина. Каждый из этих столь разных политиков по-своему осознал необходимость внесения существенной поправки в понимание и трансформацию социальной структуры российского общества. Шанин показывает, сколь трудно, непоследовательно и противоречиво формулировались этими политиками действительно оригинальные идеи. Что касается наследия Столыпина и

Ленина, то оно определенно остается актуальным и в наше время как для России, так и для стран третьего мира.

Самостоятельное научное значение имеет постскрипtum книги, названный "Вопросы выбора". Как и введение, эта часть в значительной мере посвящена рассмотрению предмета и метода исторической социологии в связи с проблемами познания. Шанин анализирует те "шоры" восприятия в социальных науках, которые так или иначе являются следствием редукционизма. Преодолеть редукционизм можно только тогда, когда принимаются разнообразие, сложность и противоречивость человеческого мира. "Такой взгляд, - пишет Шанин, - относится к редукционизму как к главной травме, которую современное историческое познание нанесло само себе. Нужна историография, в которой центральную роль играют потенциал, альтернатива и различие, а не только необходимость, предопределенность или тотальность"(с.486). Именно к такому постижению истории стремится автор "Момент истины". Первая русская революция в его изложении представляется грандиозной точкой социальной бифуркации, во многом определившей социальные альтернативы XX века как в России так и за ее пределами.

А.М.Никулин

кандидат экономических наук